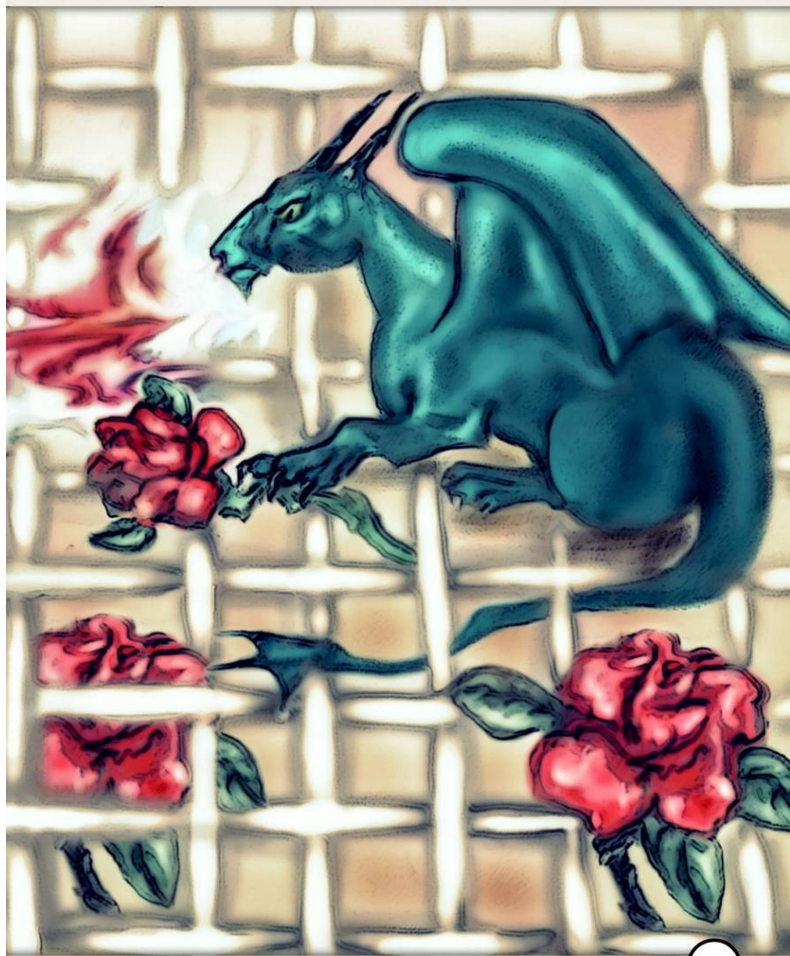

Сергей Буянов

Курчавый дракончик

<https://litres.ru/74219379>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тату-татуировочка — мода и не только! Сколько возможностей даёт необычный рисунок на коже. Кто бы только знал. Накалываем знаки, пытаясь улучшить собственное тело. А ведь, Господь уже расставил на коже необходимые метки. Потому и апгрейд собственного тела ни много нимало изменяет судьбу!

В 13 и 19 лет мальчишка и девушка получают наколки от незнакомого мастера. Причём, совершенно бесплатно. Как и обещал мастер перед ребятами открываются новые горизонты, появляются небывалые возможности.

Однако за всё нужно платить. Море—солнце—воля превращаются в клоаку и тьму непроглядную, больничную палату и тюремную камеру. И всё же, у каждого есть выбор. Нужно только правильно им воспользоваться.

Содержание

Эпиграф	4
Глава 1. Море синее. Море Чёрное	5
Глава 2. Подстава!	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Курчавый дракончик

Эпиграф

И кроеніа не сотворите на тѣлѣ вѣшемъ ѿ дѣшї: и ѿзвѣ
настреканныхъ да не сотворите въ васъ: азъ гдѣ бгъ вашъ [Бог
ваш].

Ради умершего не делайте нарезов на теле вашем и не на-
калывайте на себе письмен. Я Господь [Бог ваш].

Левит 19:28

Глава 1. Море синее. Море Чёрное

Вода бывает не только бесцветной, но синей, зелёной и даже чёрной. Гена знал: если добавить краски, вода поменяет цвет. Только вот почему море, которое синее, называется Чёрным, он понять не мог. Мама сказала, что море становится чёрным, когда идёт шторм. Они были на побережье вторую неделю, а шторма так и не было. И море оставалось синеголубым, у берега оно казалось зеленоватым. Мама сказала, что это из-за водорослей, но Гена не видел никаких водорослей, потому что на пруду в деревне бабушки они совсем другие. Бывают даже с цветами.

Жары, как ожидалось, не было. Так себе, тёплый ветерок. Море, несмотря на показания пляжного термометра, прохладное. Приходится резко падать в воду, пройдя до глубины пояса, чтобы не скукожиться от холода.

Друзей, понятное дело, никаких. Вокруг крикливые тётки и пьяненькие мужики. Одни постоянно орут, чтобы никто рядом не брызгался, потому как наседали на бошки целлофановые пакеты. Другие – вопят, когда вбегаешь в воду, чтобы не спихнул их баночки с пивом, охлаждающимся у берега.

Одним словом, тоска!

Весёлый фотограф с обезьянкой поначалу улыбался Гене, минут через пять – стал кривить губы. Обслуживая очеред-

ных клиентов, он как бы невзначай пару раз больно пихнулся локтём, Гена понял, пошёл бродить по пляжу. Дельфины почему-то не приплывали. Зато стаей налетели чайки. Вот наглые создания! Пролетая на бреющем, так и норовят уцепить прямо из рук чурчхелу! Щегол первоклашка, распустил нюни, глядя на пустую ладонь – половинку стаканчика с мороженым украла чайка! Гена решил пройтись до решётки, отгораживающей дикий пляж от курортного. Никто не останавливал, никто не обращал внимания на подростка, подошедшего к решётке. Гена скинул сланцы и прошёл в воду. Одной рукой он держался на решётку. Дойдя «по шейку», Гена протянул руку под водой вдоль решётки. Перегородка уходила далеко в море, но над водой не торчала. Гена остановился. Идти назад, или проплыть метров пять–шесть? Плавать он научился только тут, потому что морская вода выпихивала тело наружу. А если плавки зацепятся за решётку, что тогда?

В нерешительности Гена стоял, приподнимая голову на волнах, чтобы не наглотаться горькой водицы. Решив плюнуть на это дело, Гена начал разворачиваться назад, не отходя от загородки. Краем глаза он заметил, как один мужичок в пёстрой плавательной шапочке, прямым ходом проплыл через границу двух пляжей, где должна быть решётка. Пузо он, однако, не покарябал! Значит, никакой там решётки уже нет!

Гена набрал побольше воздуха и прыгнул вперёд, на глубину. Его голова тотчас оказалась под водой. Набегающая

волна приподняла Гену. Пришлось хлебнуть, но волну Гена оседлал. Следующая даже не покачнула его. Гена гребнул пару раз и повернулся в сторону цивиличного пляжа. Живот ничем не оцарапало. Дышать было трудно, Гена повернулся на спину, заработал ногами как на велосипеде. Ближе к берегу Гена перевернулся на живот. Плавать по-морскому он ещё не умел: только разведёшь руками, как попа кверху, и полный рот воды. Гена пошёл «вразмашку», оборачиваясь при каждом гребке. А позади – море без конца и краю! Метров пять он худо–бедно проплыл, Гена опустил ноги, но не ощутил дна! С утроенной энергией подросток замахал руками–ногами. Он буровил море до тех пор, пока не начал скрести руками песчаное дно.

Задыхаясь и отплёвываясь, Гена поднялся на ноги. К счастью, никто не заметил его позора. Люди, в гораздо меньшем количестве, чем на каменистом диком пляже, лениво бултыхались вдали от перегородки. Гена уселся на берегу, отдышался. Что сказать, если спросят, зачем пришёл? Решив прикинуться дурачком, он заготовил фразу о заблудившемся дайвере. Гена понятия не имел, кто такой дайвер, но считал, что какой-то придурок, как говорила мама. А кой спрос с придурка!

Пляж, действительно, был цивиличным. Каменюки по эту сторону границы сменились песчинками золотистого цвета. По такому пляжу идти было труднее, но босиком приятнее. Гена, подражая празднующемуся гражданину, зашагал

вдоль пляжа.

Первый лежак был пуст. Вещей не было. Гена уселся на посеревшие доски, вытянул ноги. Рядом стоял красочный широкий зонт как грибок на детской площадке. Гена заметил, что у каждого лежака на пляже стоит похожий грибок. Странно, зачем люди прячутся от солнца, если приехали загора? Гена обгорел за два дня, местами кожа сошла лоскутами и стала пятнистой, как у ягуара. Наверняка у индейцев такая кожа, чтобы маскироваться в джунглях. Гена представил себя шпионом на чужом пляже, что было недалеко от истины.

Сидеть, как придурок, надоело, Гена побрёл по пляжу. Здесь не было шумно, как на «диком» пляже. Людей раз в десять меньше. Детей почти не было. Гена отряхнул с плавок песок и двинул в сторону двухэтажного дома, посмотреть, что там есть.

У дверей стояла тёлка с голыми буферами, в бретельках на бантиках вокруг пояса. Розовые соски блондинки притянули взгляд Гены. Глаза сами собой уставились в титьки, и не хотели отвернуться в сторону. Гена покраснел, усилием воли опустил голову.

– Чего ищем, хлопец? – спросила тёлка, выпустив добрую порцию дыма в лицо Гены.

Гена посмотрел в её глаза: под цвет моря на мели с тёмным ободком вокруг зрачков.

– Чего надо!

Блондинка поперхнулась, закашлялась.

Гена фыркнул, связываться со здоровой кобылой не хотелось. Глядишь, отпинает за милую душу, да ещё увидит кто, позору не оберёшься.

– Титьку хочешь? – бесстыдница приподняла грудь на ладони.

– Да пошла ты! – выкрикнул Гена, отскочив назад.

Через распахнутые двери вышел кучерявый парень, как негр, только кожа его была белой, а глаза бесцветные, ничего не выражающие. Как будто он смотрел на тебя, а видел что-то за твоей спиной, всё равно, что Гена был стеклянным.

Внимание парня переключилось на курящую девку.

– Привет! – сказал он, улыбаясь. – С малолеткой воюем? Девка дёрнулась.

– Слышь, пацан! Далеко не уходи! Сейчас, разберёмся!

Гена пожал плечами. Разбираться с кем бы то ни было, он не желал. Но было до ужаса интересно, чем это всё закончится? Тёлка наглая, психованная, ан врежет ему промеж глаз? Тогда Гена обязан впрягаться за парня. Иначе, никто не поймёт. С другой стороны, драться с бабой, по любым меркам, как-то ...

Парень, похоже, об этом не думал. Он приблизился к девушке, взял её за талию.

Гена опустил глаза. Его ладони сами собой потянулись к ушам, чтоб не лопнули барабанные перепонки от громкого шлепка зверской пощёчины. Но никаких звуков не было. Ге-

на поднял голову и увидел, как девка прильнула к кучерявому. От души отлегло. «Инцидент исчерпан», – как сказала бы мама. Гена бочком попятился с крыльца.

– Э! Куда?

Гена вздрогнул.

– Парень ты, или баба?

– Не баба! – заявил Гена, вскинув подбородок.

– Тогда пошли!

– Куда пошли?

– Она тебя обидела ни за что и ни про что, так?

– Никак она меня не обидела! – Гена посмотрел в глаза тёлки. Они покрылись туманной плёнкой, подкатились куда-то кверху. Похоже, тёлка притащилась. Точно! Гена стукнул себя кулаком по лбу. Она ж баба этого кучерявого! Решили приколоться над щеглом. Пусть ищут другого дурачка!

– Ступай в номер! – парень вложил в руку тёлке ключи с биркой. – Я скоро!

Тёлка прихлопнула ладошкой по ключу, как будто он мог выпорхнуть, как бабочка. Девушка, вильнув голым задом с верёвочкой промеж ног, юркнула за дверь.

Тем временем Гена тишком попятился назад. Ещё шаг в сторону, и он не при делах: знать никого не знает, ни с кем не разговаривал.

Курчавый повернулся, и глаза его расширились. Гена не успел понять: бежать со всех ног или улыбнуться. Он получил смачный подзатыльник.

– Шалупонь всякая под ногами болтается! – сказал какой-то пьяный с растрёпанной ржавой шевелюрой.

Гена, потирая затылок, по инерции шагнул в сторону. Обернулся. В нос шибануло перегаром. Амбал лет тридцати в шортах по колено протягивал руку в замахе, чтобы добавить пацанёнку в целях воспитания.

– Эй!

– Эй? – амбал повернулся к кучерявому.

– Тебе, тебе говорю! Отвянь от парня!

– Я чё-то не понял, – начал говорить амбал, но зубы его тотчас чакнули, голова запрокинулась. Вслед за ней упала вся туша, грохнувшись на пыльный тротуар.

Гена раскрыл рот. Такого он не видал в самых крутых боевиках. Это ж надо, такой дохляк, скинув сланцы, крутанул ногами как мельницей и уложил бугая на обе лопатки одним ударом снизу в подбородок.

Амбал лежал молча, не подавая признаков жизни.

– Не бойсь, оклемается. Не впервой! – улыбнулся курчавый парень.

Гена расправил плечи, как будто это он только что уделал амбала. Вот бы пацаны со двора видели! Сдохли б от зависти.

– Хочешь так же?

Гена поёжился.

– В смысле, вырубить любого козла и любую тёлку натянуть?

– Ты что ли не хочешь? – вырвалось у Гены.

– Хочу и имею. Если пожелаешь, тебя научу.

– Врёшь!

– А понравился ты мне, парень! Простой такой, не то, что эти... – кучерявый скривил губы, как будто собирался блевануть. Гена аж отпрыгнул.

– Чем-то смахиваешь на моего братишку. Жаль, погиб он, – кадык кучерявого дёрнулся, а в глазах даже тень не мелькнула. Наверное, так плачут настоящие мужики, решил Гена.

– Я это... – Гена переступил с ноги на ногу. – Пойду, а? Амбал шевельнулся.

Парень тотчас оказался рядом, поставил голую пятку к горлу. Бугай замер.

– Видишь, как всё просто? А знаешь, почему? Сейчас расскажу, если не удерёшь к мамочке!

– Чего я к мамочке-то ?!

– Вот это по-нашему! – кучерявый похлопал Гену по плечу. – Кобыла подождёт, а у нас с тобой небольшой разговорчик имеется.

Гена решил никуда не ходить с этим суперменом. Вдруг, у него чика заедет: у каратистов это бывает.

– Видал? – парень подставил к носу Гены правое плечо. Там красовался зелёный дракончик.

– Такие наколки в любом тату–салоне делают, – сказал Гена. Эка невидаль! Точняк, у парня с головой не в порядке. Надо бы рвануть на пляж, ближе к людям.

– Не гоношись! – кучерявый положил ладонь на плечо Ге-

ны. Отчего тот как-то размяк: ноги перестали слушаться, руки повисли.

– Такой же наколю, и все бабы твои, а мужики, сам видишь! – парень кивнул в сторону валявшегося амбала.

– А тебе кто колол?

– Сам, перед зеркалом. Один китаец научил.

– Не-е, мне не надо.

– Значит так! – парень хлопнул себя по бёдрам. – Если захочешь, придёшь завтра, в это же время. А если нет, хозяин-барин!

Кучерявый впрыгнул на крылечко, минуя три ряда ступенек и, не оборачиваясь, рванул внутрь.

Гена продолжал стоять, как вкопанный, не отводя глаз от лежащего мужика. Из кармана бежевых джинсовых шорт торчала пачка сигарет. Похоже, зажигалка выпала, когда амбал шваркнулся об асфальт. Гена дёрнул плечами, скидывая оцепенение. Он присел, посмотрел по сторонам. Никого. Гена зацепил зажигалку, осторожно вынул пачку и, как ни в чём ни бывало, потопал в сторону пляжа. Пятки, правда, горели, понуждая Гену помчаться галопом. Пружинистой походкой Гена прошёл к первому ряду лежаков с зонтиками.

Никто не обращал внимания на босого пацанёнка с пачкой сигарет в руке. Судя по его простеньким плавкам, какой-то из местных. Мальчишка не зыркал глазами в поисках подзабытого имущества. Он прошёл до загородки от дикого пляжа, сел на камушек, закурил.

А что если, правда, всё дело в наколке? Гена хохотнул во весь голос. Какая чушь, сказки для дебилов! Неужели, братец этого кучерявого, в натуре, без башни был? Потому, наверное, погиб, пытаюсь остановить паровоз!

Гена рассмеялся, от чего хапнул больше дыму, закашлялся. Какую дрянь курят, а ещё крутые!

Жаль бросать едва начатую пачку и золочённую зажигалку. С другой стороны, мама убьёт, как увидит чужую вещь. Вздохнув, Гена сунул трофеи под камень.

Обратный путь был понятнее, потому – безопаснее.

На диком пляже стоял гомон, шум и грохотам. Народ веселился на заслуженном отдыхе. Ничего не изменилось. Мама только сказала, что не долго обгореть до костей. Надо бы почаще окунаться в море.

Гена побежал в набежавшую волну.

Оля была довольна по самые уши. Предчувствия не обманули её. Ожидание парня в плавках от Армани сторицей окупилось. Он делал такие вещи, что ни одной Камасутре не снились.

– Мне пора! – сказал парень, убрав её руку со своей груди. Он поднялся на ноги, прошёлся по номеру.

Оля продолжала нежиться. Может, оставит до вечера? Она приподнялась на локтях и увидела своего любовника – так Оле хотелось называть загоревшего парня – при полном параде.

– Мне тоже уходить? – Оля хлопнула глазами. Это всегда действовало зажигающе на мужиков, пытавшихся с похмельного утра выставить её за дверь.

Парень кивнул.

Оля подвязала шнурки на талии, вступила в сланцы. Она задержалась у двери, но никто не пожелал остановить, подарить прощальный поцелуй. Оказавшись за дверью, Оля всхлипнула. Вот так всегда. Жизнь – это не кино. Оля высморкалась на пол, отёрла глаза кончиками пальцев, пожевала губами, шлифуя воображаемую помаду. Оля дёрнула головой и спустилась по лестнице. Наружу она выходила уже в полном порядке: бёдра вихлялись, как положено, глаза выискивали денежного мешка.

У порога сидел рыжий с волосатой грудью, сунув руки в шорты. По качеству швов на карманах – «кошелёк»!

– Угостите даму сигариллой?

Рыжий пошарил в кармане. Оля присела, шаркнув бедром по голому торсу «кошелька».

– Шла бы ты на... а?!

Оля вскочила. В чём дело? Нет, сегодня не её день! Хотя, не совсем. Она зажмурилась, вспоминая ласки «любовника».

– Чего шары закатила? Вали отсюда, шалава малолетняя!

Оля отпрыгнула.

Амбал потопал по земле, изображая бег вдогонку. Малолетка ушмыгнула в никуда, откуда и появилась. Жбан рас-

калывался, надо ж было так нализаться на берегу! Шёл до корпуса «на автопилоте», потом, как отрубил! Как оказался валявшимся у крыльца, чем стукнулся, кто его разберёт! Хоть бабки при месте, сейчас хапнуть чачи, на крайняк пивка, глядишь, в мозгу прояснится! Пошатываясь, мужчина зашагал к ближайшему шинку.

Оле не везло ещё трижды. Ни один «кошелёк» не клюнул, хотя старалась изо всех сил, пуская в ход все свои примочки. Стелилась, можно сказать, а всё без толку. Сутки насмарку!

Оля вернулась домой до темна.

– Где шаталась? Где деньги? Где лекарства, наконец?

Оля не стала оправдываться. Она молча поменяла простынь под лежачей больной, обработала пролежни. Запах слабого раствора уксуса не перебил запаха перегара Оли.

– Ты снялась! Тогда почему ничего не принесла? – проворчала мать, приподнявшись на локтях. Правая рука соскользнула на прикроватный столик. Посыпались склянки на пол. Ни одна не разбилась. Не к добру.

И тут не повезло! Оля засопела.

Мамаша продолжала ворчать, Оля подбирала склянки. Слезы наполнили глаза, норовя брызнуть ручьём. Ну, не задался день, не воровать же идти!

– Только посмей!

Оля вздрогнула. Похоже, она незаметно для себя проговорила мысли вслух.

– Мы же договаривались, никакого криминала! – продол-

жала бубнить больная женщина.

– Мама! – Оля сверкнула глазами.

– Отвернись! А то простынь прожжёшь взглядом!

Оля улыбнулась. Мать начала шутить, значит, на сегодня гроза отгремела.

– Оля! Ты ожидаешь моей смерти этой ночью?

Оля подняла голову, уставилась в потолок. Началось!

– Вместо того чтобы вздохнуть и причитать, шла бы за сиделкой!

– Мама! Нечем платить сиделке! Мы должны уже сто баксов, ты не в курсе?

– Ну зачем, зачем я родила такую малохольную стерву?! То у неё критические дни, то голова болит, а что мать подыхает заживо, ей наплевать! Нет, ну вы посмотрите на эту лохудру!

Оля опустилась на табурет. Лицо матери синело на глазах. В самом деле, собралась умереть этой ночью?! Оля пробежала в ванную, намочила полотенце, приложила к без того холодному лбу матери.

Мать указала пальцем на свёрнутые, выжатые до последнего кубика кислородные подушки.

Оля схватила резиновую подушку с носиком, зацепленным никелированными щипцами, рванулась к выходу. За порогом она встала, как вкопанная. Куда теперь, в больницу? Да кто ей даст кислород без ведома доктора! Пока суд да дело, мать уже крикнет.

– Оля! Ты как сегодня, свободна? Можешь уделить моему «мальчику с пальчику» капельку внимания?

За оградой стоял сосед Вася, студент из Москвы, приехавший к тётке на каникулы. Вася каждый день подкатывал к соседке малолетке с неприличными предложениями. Оля с презрительной улыбкой отшивала его.

– Да что с тобой? – он в два прыжка оказался рядом.

– Вася, если бы знал...

– Да говори же поскорее! Какие проблемы-то ?

– Маме нужен кислород, она задыхается! А я не знаю, что делать! – Оля тряхнула кислородной подушкой.

– И всего-то делов?

– Санитарка заправит за столик, но у меня нету.

– А если, я тебе заправлю?

В следующий момент Вася схлопотал пощёчину. Рассмеялся.

– Кислородом подушку, дурочка! Ты-то о чём подумала?

– Василий забрал подушку из рук Оли. – Жди пять сек!

Оля присела на скамейку на веранде. В летней кухне было пусто. В середине лета мать схлопотала инсульт, исчезли назойливые отдыхающие, которые только и делают, что гадают вокруг себя! Но теперь без них было скучно, а без денег, которые они отваливали матери за постой, – грустно. Оля вынула сигарету, закурила. Куда этот придурок направился? Неужели, правда, притащит кислород? Оля повернула голову к двери, прислушалась. Мать по-прежнему хрипела. Зна-

чит, живая.

– Оля! Ты что, уснула, не дождалась своего возлюбленного?

– Васька, ты б хоть усы вытер!

– Бери вот! – Вася протянул пузатую кислородную подушку. Умаялся малость, закачивая ножным насосом для надувной лодки. В воздухе, как известно, достаточно кислорода, если дышать им под давлением – мёртвого поднять можно!

Оля схватила подушку, рванулась домой.

Она положила на живот больной подушку, благо руки матери обе действовали. Оля боялась отомкнуть щипцы: вдруг, кислород разом вылетит, как из воздушного шарика?

Мать справилась сама, буквально через два–три вдоха лицо её порозовело.

Оля вышла на веранду.

– Готова моя курочка? Иди же в объятия своего соколика!

– На объятия ты заработал, Вася, не больше!

– Чего уж, – приглушенно сказал Вася, целуя голое плечо дикарки.

– Всё! – Оля оперлась руками в его грудь, отвернув голову.

– Может, всё-таки, деньгами возьмёшь? – с придыханием сказал Вася.

– За кого ты меня принимаешь? – спросила Оля. Отстраняясь, она невзначай провела ладонью по животу соседа. Мышцы дряблого пресса подрагивали. Клиент-то, похоже, готов!

– Скажи только, сколько?

– Сто баксов для сиделки мамы! Взаймы.

– Конечно, конечно, – вновь облапав Олю, сказал Вася.

– Чего расхарахорился? Тащи!

– Евро возьмёшь?

– Я-те ща покажу е! И в ро..., и в жо...!

– Ладно, пошутил. Баксами, так баксами.

– Сиделке отдай, горе луковое!

Вася еле сдерживался, чтобы не завалить её тут же на лавочке. Но уговор дороже денег. Пришлось топать домой, вынимать из заначки пачку денег, топать до сиделки.

Женщина лет тридцати скривилась.

Пришлось уламывать её.

– Срочно надо! Сегодня обменник уже не пашет! – соврал Вася, не моргнув глазом. Ещё полчаса и штаны порвутся, а тут старая калоша выпендривается!

– Торты к чаю купишь! – заявила тётка, пересчитав деньги.

– Чуть позже, ладно? Вы уж идите, там ждут, а?

– Там всегда ждут. В конце концов, все там будем, – пробухтела сиделка. – Стольник добавь, студент!

– Я отдам! Только чуть позже. Скажем, через полчаса, а?

– Часы оставь под залог!

Вася щёлкнул браслетом, скинул наручные часы: цена им – двадцатка в базарный день, но дарёные тётей. Приходится, приезжая, менять «Кассио» на «Зарю» с обшарпанным ци-

ферблатом. Стерва наверняка знает об этом, и бьёт точно в десятку!

– Счастливые часов не наблюдают!

Вася кивнул, выдавив что-то похожее на улыбку. Грамотная хапуга!

Оля, одетая в приличный халатик, встретила сиделку с Васей на крыльце.

Пока дамы обнимались, изображая дружбу до гроба, Вася томился на крыльце, пританцовывал, как будто заново накачивал кислородную подушку гаражным воздухом, мечтая сотворить тоже самое с её хозяйкой.

Оля посмотрела на него исподлобья, издала звук, похожий на стон. Толкаться с соседом всю ночь желания не было, проще выжать его одним махом.

Сарай, вполне пригодный для проживания приезжих с районов Крайнего Севера, сойдёт и за сексодром.

Приоткрыв халатик в нужных местах, Оля неторопливо открывала висячий замок. Вася сжал руки за спиной, потому что чувствовал спиной взгляд проклятушей сиделки.

– Подождёшь секундочку?

– А-ах!

Оля исчезла за ширмой. Выдержав критическую паузу, она вышла обнажённая, готовая совместить приятное с полезным. Не тратя времени, Оля сунула ладонь в шорты соседа.

– Оля! Олечка! – согнулся он, отстраняясь от цепких паль-

цев. – Давай в другой раз, а?

– Почему это? – Оля облизала кончиком языка верхнюю губу.

– У тебя мама больная, и всё такое...

– Я что-то не догоняю, Василий! Кто кого снимает?

– Подрастёшь, поймёшь! – заявил Вася, с шумом отворяя двери.

– И тебе не стареть! Только другого раза-то не бывает! Чего застыл, пшёл-на!!!

Вася хлопнул дверью, постоял на крыльце, обдумывая положение. Болт упал на пол – шестого – какой позор! Вася сбежал к тётке, вынул столярник, выкупил часы у сиделки. К счастью, малолеточки в комнате не оказалось.

Вернувшись к себе, Вася обратил внимание на молодку, отдохавшую в одиночку.

Она скучающим взором скользила по экрану телевизора с трансляцией футбольного матча.

– Я не понимаю смысла игры, – сказал мысль вслух Василий.

Молодка тут же подхватила тему, развила её и углубила до собственной постели. Как ни боялся за себя Вася, никакого конфуза не произошло!

Вечер набирал обороты. Время сумерек на Юге дано увидеть романтику, фанату фотографии ландшафта или празд-

ному бездельнику. Поскольку люди приезжают на отдых не для того, чтобы тупо скучать, время перехода дня в ночь — замечают исключительно по шумовому фону. Начинают трещать цикады, звуки становятся громче, раздаются дальше, музыка с далёких кафушек режет уши. Чуть позже, то тут то там, раздаются душераздирающие пьяные вопли. Самое время, пробраться за оградку хозяйки, спокойно перекурить. Сигареты здесь продают, не глядя. Каких хочешь и в любом количестве. На то оно и курортная зона! Гена взял пачку, чего мелочиться, с нормальным фильтром. Он достал из кармана спичку и чиркаш — отломанную от коробка полоску — чиркнул, спрятав огонёк за забором с одной стороны, спиной прикрыл пламя спички с другой.

Затянулся первый раз неглубоко, чтобы не хапнуть серного газа, а то недолго рак губы схлопотать. И получил по загривку. Гена бросил сигарету, растоптал. Сделав невинное лицо, обернулся, готовый оправдываться перед мамой. И получил точно в пятак! Гена прижал ладонь к лицу, кровь! Всегда нос подводит, но думать об этом некогда. Гена отскочил в сторону, и тут же кто-то схватил его со спины, прижав руки к телу. Одновременно кто-то завернул майку на голову Геннадия. Толи это был осьминог, то ли нападавших было несколько, но карманы Гены одновременно были вывернуты наизнанку.

Гена вырвался, одёрнул футболку, но никого не увидел. Только кусты лавра прошелестели, да ширкнули шаги по ас-

фальту.

Сигарет, спичинок и чиркаша, понятное дело, нет. Украли зачем-то обтрёпанный носовой платок. Эх, если бы сейчас, сделать рывок в сторону дороги, нагнать козлов, да отрубить замертво, как кучерявый у пансионата! Гена подобрал в ку-стах сандалет, скорее всего, потерянный налётчиком. Гена попробовал сунуть ногу: размера на два нога меньше – хил-яга попался! Ну, не обидно, а?

Маме пришлось сказать, что споткнулся о порог и расква-сил нос.

Сигарет можно купить завтра, потерю чиркаша и спичек Гена восстановил тотчас, из хозяйской кухни.

Путру мама оставила Гену на пляже, сама с подругой по-шла в какой-то там бабский салон. Для чего делать причёс-ку, если потом покупаться толком никак? С другой стороны, Гена был рад – без труда можно купить сигарет, покурить, не скрываясь. Накупаться до посинения и поваляться в оди-ночестве.

В магазине, не глядя на него, продавщица без сдачи вы-дала пачку сигарет. Но только Гена вышел из ларька, как его повстречали два шибздика.

– Курить дай! – потребовал коротышка.

– Нету! – сказал Гена и шагнул вперёд.

– Те чё, жить надоело?

– Сам не курю и никому не советую! – заявил Гена, под-ражая старшим пацанам со двора. Но выглядеть солидно не

получилось, коротышка ладонью толкнул Гену в грудь. В результате Гена шлёпнулся навзничь, ударившись спиной об асфальт. Внутри как будто что-то оторвалось, Гена немедленно вскочил на ноги. Теперь он понял: это второй пацан сел на карачки за его спиной!

– Э! Что тут за разборки? А ну, валите отсюда! – вмешался толстый гражданин, подошедший к магазину.

Пацанят как ветром сдуло.

– Чего не поделили? – спросил толстяк.

– Да так, играем.

– Ну-ну!

Гена зашагал на пляж, держась ближе к людям. Лучше идти рядом с тётками, они такой хай подымут, если что.

На пляже тех дохляков не было. Гена не сразу пошёл купаться, он сидел как взрослый, курил, смотрел на границу моря и неба, заодно выискивал взглядом обидчиков. Успокоившись, Гена пошёл купаться. Он плавал и подныривал под каких-то старшеклассниц. Они визжали, но не гнали прочь. Знакомиться с парнишкой тёлки не желали. Болтали о чём-то своём. Вот, народец! Их на Северный полюс закинь, а они всё свою лабуду будут тереть! Хоть бы о деле, а то несут такую муть, аж тошнит! Гена вышел из воды, походил вдоль берега, обходя малышню, плескавшуюся у берега.

Гена искал глазами место, где он остановился. Надо ж было в такую рань припереться, теперь народец позанимал места и не видеть, где его синий плед. Гена прошёлся по берегу.

– Чё-то потерял? – кто-то ткнул Гену в плечо.

– Тебе что за дело?

Гена развернулся и увидел обоих придурков. Драку они не начнут при таком количестве людей, уже легче.

– Много базаришь, приезжий!

– По столынику в день будешь отстёгивать, живым домой уедешь, по-ял?! – второй, что повыше, озираясь, подсунул Гене под нос кулак.

– А если я...

– Да хыть в ментовку! – перебил его старший из нападавших. – И маме не стучи, где живёшь, знаем. Уроем!!!

– Да пошли вы!

– Придём завтра, отдашь бабки или, сам знаешь, – пацаны приблизились к Гене вплотную. Он ощутил укол лезвием ножа под рёбрами.

– Короче, ты понял. Вон твои шмотки! Забирай, купайся, загорай! – пихнул Гену в плечо пацан, что постарше.

Придурки ушли. Гена поднял свёрток с вещами. Так и есть. Сигареты украли, в шорты плюнули или даже высморкались, сволочи!

До обеда оставалось часа полтора. Мама на пляж не придёт, так уговаривались. Эти козлы не отстанут. Ещё три дня на море – это триста рублей! Просить у мамы? Так она подумает, что на сигареты или на пиво. Головойойку устроит, мало не покажется! Или украсть у отдыхающих из соседних комнат? Гена вздрогнул: какие мысли пришли в голову! Да

если пацаны со двора или из класса узнают про такое, зачмырят сразу же! Как жить с таким позором? Вот бы врезать каждому дихорику, чтобы кровянойкой умылся! А лучше отрубить на полчасика, да отобрать всё и ещё трусы снять – пусть голышом гуляют, козлы!

Гена сполоснул оплёванные шорты в морской воде, разложил на плоском камне, до обеда подсохнут. Ноги сами повели к решётке на пляже.

Возле пансионата никого не было. Цивильные люди принимали солнечные ванны, так это у них называется. Гена поначалу недоумевал: на кой переться в такую даль на море, чтобы всего-то «принять ванну»? Теперь понятно, что одним позагорать, другим – принять солнечную ванну. Наверно, их не грабят местные. Гена вздохнул. Торчать на солнце-пёке надоело. Хоть бы вчерашняя тёлка появилась с голыми сиськами. Всё веселее.

Легка на помине! Гля, нарисовалась! Гена разулыбался.
– Чего улыбишься, мальчонка? Где твой брат?
– Э–э! Я те не мальчонка! А брат, не знаю где! Сам потерял.

– Врёшь ведь!
– Зуб даю! – говорить с тёлкой было легко и свободно.
– Когда появится-то ?
– А чё у тебя в трусах чешется?
– Я тебя сейчас расчесу по загривку-то! – Оля вцепилась в плечо мальчишки. Вчерашний вечер с обломом у соседа

воздыхателя, рыжий, что прогнал её прочь, да сегодняшних двое «кошельков» шуганули, как облезлую кошку – сколь терпеть такое? Наверняка, «любовничек» постарался, чтобы у других охоту отбило. Не идти ж ей на стройку зарабатывать, в самом деле!

– Чего докопалась? – Гена попробовал вырваться. Но тёлка не на шутку вцепилась. Может, сказать ей, что никакой ему не брат кучерявый?

– Он мне задолжал кое-чего!

Гену передёрнуло. Сколько вымогателей за один день, они что, местняки, с ума посходили, да кто к ним приедет после этого? Гена посмотрел в глаза бешеной. Не многовато ли звездулин на один день?

– Он мне жизнь испортил, понимаешь?

– Дело житейское, – улыбнулся Гена, воспользовавшись тем, что хватка тёлки ослабла, вырвался, отскочил на метр.

– Кому как! – сказала Оля.

– Тебя что, в первый раз отжали?

– В последний!

Гена посмотрел на девушку. Глаза её покраснели, губы скривились, сейчас захнычет! Ненормальная какая-то. Однако кучерявого искать надо. Или тырить у мамы бабки на выкуп! Так и этак, сегодняшние тёрки пустяком покажутся.

– Ты где его видела?

– Под дурачка косишь, малой?

Глаза её оставались красными, но уже не от обиды – от

ярости! Порвёт на куски, дура! Ноги в руки!

Оля нагнала пацанёнка у кромки пляжа.

– Дурачок! От кого удрать решил! – она схватила Гену за шею под затылком, больно сжала пальцами, проткнув ногтями кожу.

И никто слова не сказал. Поджарые тётки с проткнутыми пупками смотрели на них, и не видели. Как будто чаек разглядывали. На «диком пляже» любая баба завопила бы, вот тебе и цивилизация! Гена сдержался, чтобы не завизжать. И так позора полные штаны.

– Я приведу его сейчас! Ты только подожди, пусть он нас вместе не увидит. А то мало ли что! – скороговоркой выдал Гена первое пришедшее в голову.

Тёлка, по ходу, повелась. Гена потёр пострадавшую шею.

– Пошли!

– Да иду я, иду! Договорились же!

Гена пошёл первым, и хоть земля горела под ногами, он сдерживался, чтобы не припустить на полном ходу.

– Я жду здесь пять минут, потом, найду тебя и шкуру спущу! – сказала Оля у входа в пансионат. – Не вздумай спрыгнуть с балкона! Ноги сломаешь, я видала таких калек!

– Да ладно тебе, что я, враг здоровью?

Гена вошёл внутрь. Что делать дальше, он понятия не имел. Спросить у швейцара, о чём? Не видали ли вы, достопочтенный холоп, такого кучерявого парня каратиста?

Гена потоптался у стойки. Проскочить мимо не составля-

ло труда. Достаточно пройти с кем-нибудь рядышком.

Но никто не приходил.

– Пацан! – наконец обратил внимание толстоусый швейцар.

– Я это...

– Погреться зашёл? – заржал мужик лет сорока.

– Я брата ищу! – сказал Гена, глядя в глаза мужику. Честно смотрел, аж слезы подступили.

– И где ж ты его посеял?

– Я это, на пляже сидел.

– Так, какой он из себя-то?

Гена описал кучерявого, как смог.

– Особые приметы? – по-ментовски спросил швейцар, сделав шаг в сторону Гены.

– Он, это, каратист! Любого вырубит, понял?! – выкрикнул Гена, закрывая лицо руками.

– Да нехай рубает! – улыбнулся мужчина. – Ты чего такой шуганный? Я ж тебе помочь хочу!

– Так помогай! – вырвалось у Гены.

– И спрашиваю: особые приметы какие е? Татуировки, к примеру. А то у нас каждый третий кучерявый!

– Да! – выкрикнул Гена, стукнув себя по лбу. – Дракончик на правом плече! Зелёный такой, кучерявый.

– И группа крови под ним?

Гена пожал плечами. Никакой крови под дракончиком не было. А буквы были: какие-то тупые, бессмысленные, в круг-

лых скобках.

– Номер 112! Шуруй до братца, не то все глаза промозоллил! – швейцар дружески подпихнул Гену к лестнице. – Второй этаж!

Гена кивнул и рванул по лестнице, перепрыгивая через одну-две ступени.

Швейцар хмыкнул, вернулся к початому сканворду.

Горничная сидела спиной к выходу, закинув голые ноги на стул, уткнувшись в экран. Телик орал, поэтому Гена без труда прошёл мимо, потоптался у двери номера 112. Собравшись с духом, Гена стукнул по косяку.

Дверь тотчас распахнулась. А внутри никого не оказалось. Гена вздрогнул. Во, попал, а?

– Заходи, Гендос!

– Я, это...

– Хорош мямлить, давно жду! – появился наконец кучерявый. Протянул руку.

Гена ответил на пожатие и подул на ладонь. Здоровски жмёт, жаль, не настоящий брат!

– Проблемы?

– Да так, это, тёлка тут, вчерашняя... С титьками.

– Без титек не тёлка – телок или бычок получается!

Гена улыбнулся.

– Достаёт?

– Да пошла она! Хочет тебя видеть! Говорит, что ты ей жизнь поломал. Дура, одним словом.

– Чего стоишь, как не родной! – парень усадил Гену в кресло, подвинул столик с пепельницей и сигаретами. – Закуривай, рассказывай!

Гена закурил. Сигарета была с белым фильтром, но удивительно хорошо тянулась и оставляла во рту приятный привкус.

– Ещё кто обижал?

– Да никто! – Гена расправил плечи.

– Правильно, обиженные у параша отдыхают.

– Там им самое место! – подхватил Гена.

– Только у пацанов тоже бывают заморочки, которые, сам понимаешь, разруливать надо!

Гена несколько раз кивнул.

– Местняки наехали?

Гена вздохнул.

– Шуганулся?

– Их трое!

– Ну, уж и трое.

– Да трое, я тебе говорю! – Гена сжал кулак.

– Да хоть бы и пятеро! Ты же занимаешься борьбой! Вижу, шею-то накачал.

– Ну.

– Вот тебе и ну! Раскидал бы в пять секунд, размазал по асфальту, и делов-то !

– Легко тебе говорить.

– Кодекс мешает?

– Есть малость.

– Тренер не узнает, а если узнает, выяснит, при каких обстоятельствах ты применял приёмы. Я сам занимался, знаю.

– И чё, тебя из секции не попёрли?

– А как бы я до чёрного пояса дотянул, если б выгнали?

Гена вздохнул.

– Вот ты, когда кидаешь партнёра на ковёр, боишься? – парень склонился над Геной. – Если он воткнётся башкой, страшно?

– Ну да. Тренер задолбит за «корягу».

– А на улице никто за «корягу» не задолбит. Сорвётся и ткнётся носом в дорогу! Тебе какое дело? Бери в захват следующего! Только первым делом отрубай самого главного! Усёк?

– Н-да.

– А по пути можешь врезать кулаком или ногой.

Гена посмотрел на кучерявого во все глаза.

– Уличная драка без правил! Или тебя, или ты.

– Всё так, но нельзя же...

– Вот, заладил! – кучерявый хлопнул себя кулаком по ладони. Гена моргнул.

– А если б я сзади тебя стоял? Смог бы ты отрубить хотя б одного?

Гена кивнул. Закашлялся. Потушил сигарету.

– Так я тебе говорю: смогу устроить!

Гена вскинулся.

– Я тебя пасти не собираюсь днём и ночью! Я таким же был. Кодекс чести борца и так далее. Пока братца не потерял. Всё боялся кого-нибудь зашибить до смерти... – парень потёр нос.

– А потом чё?

– Потом всех нашёл и поодиночке уделал!

– Замочил? – Гена судорожно сглотнул.

– Ты вчерашнего рыжего видел? Живой?

– Наверно. Он же шевелился.

– Так и запомни: убить человека руками–ногами невозможно...

– Ну да, рассказывай!

– Не перебивай! – кучерявый поднял ладонь как сэнсэй и продолжил: – Без специальной подготовки. А ты всего-на-всего самбист! Самооборона без оружия, усёк? Никак не нападение! Ни одного приёма в самбо нет смертельного. В боевом – калечащие есть.

– И ты впрягёшься, если что?

– Щаз! Со щеглами ещё не бодался! Иди, паря, решай свои проблемы сам! Я предлагал сделать наколку, ты в штаны напустил. Что ж, судьба твоя такая! – кучерявый прошёлся к двери, щёлкнул ручкой, предлагая гостю выйти вон.

– Да ладно, только это... – замялся Гена, но, увидев, что кучерявый собирается раскрыть дверь настежь, заторопился: – Если ты выколешь мне этого дракончика, я что, любого вырублю и бояться покалечить не буду?

– Конечно! Я ж не боюсь. И ни одного не убил, между прочим. – Кучерявый ткнул себя в плечо. – Мой сэнсэй стоит за спиной и поддерживает меня, наколкой чую!

– Врёшь.

– Вытряхивайся, а?

– Да коли! Только это...

– Это, это! – передразнил гнусавым голосом кучерявый. – Других слов не знаешь? Или только матерные?

– Да я про бабу ту, тёлку, то есть. Ты б с ней переговорил вначале, а? Я ж обещал.

– Не знаю, за что тебя так полюбил, пошли! Раз обещал женщине, надо сделать!

Они вышли в холл.

Оля замахала обеими руками.

– Ишь, не терпится! – шепнул на ухо кучерявый. – Как ты, будешь её?

Гена поёжился.

– Ладно, не трясись, пошутил! Будут у тебя и получше! Сиди у крыльца, кури. Мы перетрём тему, потом зайдём ко мне, сделаем наколку.

– А скоро?

– К обеду вернёшься к маме! – сказал кучерявый, произнеся слово «мама» без оскорбительного намёка.

– Ладно, жду! – согласился Гена, взяв пахучую сигаретку. Оля молчала. «Любовник» подошёл ближе.

– Привет, Оля! Зачем искала?

– Тебе что, братец не рассказал?

– Чушь какую-то спорол. Про чью-то жизнь загубленную. Я не понял его. Что я тебе сломал там? – он погладил Олю по голому животику. Она вздохнула.

– У меня мало времени, давай короче!

– Ты знаешь, что сделал? – вспылила Оля, заметив, что парень собирается уходить. – Ты меня приворожил!

– Хватит ерунду пороть! – кучерявый развернулся, но, услышав всхлипы, плавно, но быстро шагнул так, что оказался за спиной Оли.

Гена смотрел на их выкрутасы, недоумевая, что прямо тут будут кувывааться? Но кучерявый только обнял её, причём так, что Гена будто бы услышал, как хрустнули рёбра. Вот так да! Неужели и её вырубят? Гена привстал, но ничего подобного не случилось. Парочка уселась на плоский камень, руки их сцепились. Начали о чём-то говорить.

– Бывает такое, не ты первая.

– Ну, и что теперь делать? Ты ж меня не заберёшь отсюда!

– Умная ты, Оля. Даже жаль тебя.

– А если жаль, – Оля вскочила, – тогда сделай всё назад!

– Я ни в чём не виноват. Поняла?

– Снова да потому! – Оля всхлипнула.

– Дослушай же! Просто есть такая беда, у меня аура сильная! Веришь?

– Ещё бы!

– Э–э, нет, глазки-то не закатывай! Мы так не договари-

вались! – он тряхнул Олю за плечи. – Так вот, аура сильная. Делюсь я ею с теми, кто мне нравится. Но быть с вами всегда я не могу, сама понимаешь. Вот, хорошо уже. Глазки протри!

Оля послушно приняла носовой платочек, наощупь не меньше трёхсот «зеленых» весит, приложила к лицу. И пахнет на всю штуку баксов! Ох, наворотила, дура дурую. Размечталась о богатом любовнике. Оля встряхнулась, плакать сейчас не время, пусть скажет, что задумал.

– Надо вытравить ауру!

– Отравить меня хочешь?

– Не говори ерунды! За животными наблюдаешь?

– На хрен они мне гнулись, какие-то животные!

– А зря. Кобели метят заборы, столбы, это хоть знаешь?

Оля промолчала.

– Так вот, я тебя тоже по-своему отметил. Аура дикая, что поделать?

– Так мужики что, тебя боятся?

– Поняла теперь, что я ни при чём?

– Так что, запах что ли?

– Не принохивайся, у людей всё по-другому. Короче, могу помочь. Согласна потерпеть?

– Да я в любой позе, знаешь же...

– Не глупи. Противоположное лечится противоположным. Как относишься к тату?

– Да на кой мне тюремные метки!

– Тюремные другие наколки. Я тебе выколю вещицу, про-

тивоположную моей! – он сунул под нос плечо с вытатуированным драконом.

– Это как?

– Не больно. Машинка германская, работает легче комариного укуса.

– Куда колоть-то будешь? – Оля посмотрела себе промеж ног.

– Противоположное сказал! Дошло?

Оля посмотрела на кучерявого. Он стоял как профессор, ожидая правильного ответа. Если промахнусь, поняла она, откажется.

– Если у тебя на правой руке, то у меня... – Оля задрала голову, глядя в воображаемый потолок, – ... на левой ноге!

– В яблочко! Пошли в номер, бедолажка!

– А этот, твой братец, будет присутствовать?

– Мы что с тобой кувыркаться будем?

– Ладно, не строжся, я просто так сказала. А что нарисуешь, противоположное дракону?

– Сама подумай!

Оля покачала головой.

– Дракон – символ свободы и агрессии! Значит, выколем тебе розу с цепью.

– Прикольно! А поможет?

– Если нет, придёшь, и сведём. И будешь потом тихо сама с собою...

– Всё, всё! Я согласна! – Оля уцепила парня под руку и

потатила к пансионату.

Гена шагнул к кучерявому, протянул руку, словно боялся, что тот заторчит с тёлкой и забудет о нём.

– Она с нами пойдёт!

Гена промолчал. Он не знал, сказал кучерявый тёлке, что они не настоящие братья или нет.

– Кто смелый, кто первый! – спросил хозяин номера, держа в руке ручку–пистолет с электрическим шнуром.

– Мне к обеду надо! – сказал Гена. Бабы разную жуть колят, наверняка, долго. А местняки отморозки могут встретиться уже сейчас!

– У меня вся жизнь впереди!!! – заорала Оля, уткнув руки в бёдра.

– Уступим даме? – улыбнулся кучерявый. – Я закажу шаурму в номер, покушаешь пока.

– А мне?

– Оля! Жизнь твоя решается, а тебе лишь бы пожрать! Талию надо беречь, сама понимаешь.

Оля улеглась на диван, задрала левую ногу, зажмурила глаза.

– Так ты долго не выдержишь. Садись нормально, вытяни ноги!

Пока кучерявый болтал с Олей, Гена освоился в номере. Он вышел на балкон. Курить не хотелось, он смотрел на море. Вот тебе и все цвета: от серо–голубого до сине–фиолетового и сверху воздушная полоса в слабой дымке. Слева идёт

кораблик. Очень далеко, как игрушечный. Наверное, в Турцию за тряпками.

– Хи-хи! – взвизгнула тёлка в комнате.

Кучерявый выругался.

Гена приоткрыл дверь, выглянул из-за занавески.

Тихо жужжала машинка в руке кучерявого, тёлка сидела, вцепившись в спинку дивана и хихикала.

– Видишь, Гендос, как бывает, – сказал кучерявый, не оборачиваясь, – дёрнула ногой! В результате не роза – лилия получится!

– А есть разница? – спросила Оля, оттирая глаза.

– На два года, – буркнул под нос кучерявый.

– Ерунда, коли дальше!

В дверь позвонили.

Гена понял. Принесли заказ.

Худосочный паренёк в синем переднике в белый горошек, как у тёток в магазинах, поставил поднос на стол и застыл, как изваяние.

Гена кивнул ему. Мол, свободен.

Паренёк не шелохнулся.

– Под пепельницей на чай! – сказал кучерявый, не отвлекаясь от работы.

Гена посмотрел на стол. Официант принёс бутылку минералки, никакого чая не было!

Паренёк мотнул головой в сторону пепельницы. Гена поднял тяжёлую пепельницу, там лежала двадцатка с портретом

американского президента. Вот так чай!

– Гена! Отдай холопу, и пусть валит по-шустрому!

Паренёк ловко выхватил купюру из рук Гены и в два прыжка оказался в проходе. Дверь за собой он прикрыл тихо, как будто боялся разбудить кого-нибудь.

Гена посмотрел на шаурму. Мама сроду не купит такую дороговизну. Даже здесь, даже в отпуске! Гена налил себе полный фужер минералки. Шаурма оказалась горячей и вкусной. Самое главное, никто не стоял над душой, заставляя аккуратно откусывать, медленно отворачивая салфетку. Минералка пузырилась, горча воздух над бокалом. Делать нечего, запивать пришлось. Гена отпил и не пожалел об этом. Оказалась сладкой, как газировка! Вот чего люди пьют, которые холопам по двадцатке за просто так отстёгивают! Гена пригляделся к этикетке. Ничего не разобрал. Буквы нерусские и даже не английские.

– О–ой! Ха–ха! – опять взвизгнула Оля.

– Спокойно! Осталось малёхо!

– Сколько? – спросил Гена на правах брата.

– Штрих мастера!

Гена дожеввал шаурму, набив желудок. Пора и покурить, а то после штриха мастера самому пора под щекотку!

– А чё она такая бледная?

– Оля! Тебе для красоты, или для пользы?

– Конечно для пользы!

– Я приложил максимум усилий, чтобы татушка выгляде-

ла постарше.

– А–а, – протянула Оля, сражѐнная взглядом мастера.

– Ты свободна!

Оля попрощалась и пулей вылетела прочь.

– Мне тоже часа два ржать? – спросил Гена, вернувшись с балкона.

– Вряд ли. Ты ж видел, она дурочка.

– Ну да.

– С тобой будет проще. Всё же мужик.

– А ты умеешь рисовать как твой сэнсэй?

– Обвести трафарет и ты сумел бы.

– Ак чѐ тогда у тѐлки не роза вышла, а лилия? И почему на два года?

– Много будешь знать, скоро состаришься. А на кой старику сэнсэй?

– Если сэнсэй сам старик! – рассмеялся Гена.

– Тоже на ржачку пробило?

– Да не! Я буду молчать как рыба! Точно говорю!

Кучерявый достал из чемоданчика наклейку.

Гена видел такие в магазинах, в довесок заморским подделкам под шоколад. Щеглы таких дракончиков лепят на себя и понтуются друг перед другом, пока родаки не заставят содрать мочалкой.

– Это трафарет. Клеем на кожу, остаѐтся рисунок. Затем – дело мастера боится!

Гена кивнул. Зелѐный дракончик со сморщенной мордой

ему не понравился.

– Чего кривишься? Это искажения, как на карте. Географию, небось, учил?

Чтобы не лохануться, Гена кивнул.

– А почему мне на плечо, а у тебя на бицепсе?

– Тебе больше поддержки нужно. Не болтай, а то кожа ходит туда-сюда! Выколю сейчас не дракона, а лягушку!

Гена замолчал. Машинка проезжала по коже, как мурашки в холодную погоду. Так и хотелось что-нибудь накинуть на плечо. Когда кучерявый выкалывал пасть дракона, пекло так, будто кто через увеличительное стекло старался расплавить кожу. Гена скривился, но не пискнул.

– Ещё несколько штрихов, и готов воин!

Гена ничего не ответил, боясь, что испортит татуировку.

– Сегодня же отыщи этих козлов и причеши их по полной программе! – сказал кучерявый, отключив машинку.

– Прямо сразу? А это, сколь заживать будет?

– Тебе какая беда? У викингов кишки наружу болтались при ранении, а они всё равно лезли вперёд и убивали врага!

Гена сглотнул.

– Внезапность, смелость, быстрота – и никаких весовых категорий!

– Но, получается, я первым нападую, как тогда самооборона?

– Чудак ты на букву «му»! На тебя уже напали! Так давай отмашку! И вообще, не зли меня.

Гена кивнул в знак согласия. Так говорят только с настоящим братом.

– Держи краба!

Они попрощались.

Плечо слегка зудело, как будто комары накусали. В холле Гена подошёл к большому зеркалу посмотрел на татушку. Зелёный курчавый дракончик, достав башкой до шеи, разинул пасть.

Клёво!

Под рукавом футболки ничего не будет видно. Мама в первые дни ничего не заметит, а после уже не так страшно.

Прикольно!

Гена вернулся на «дикий пляж». В морской воде татуировка вела себя смирно. Ничего не зудело, не болело и не жгло. Точняк, дело мастера боится!

Гена взял свои вещи. Шорты встали дыбком, на пересохшей ткани выступили пятна соли как на контурной карте. Гена пошоркал одежду, ткань стала мягче. Гена оделся. Так и есть, дракончика не видно. Осталось дело за малым: найти этих козлов! По дороге к дому, мысль Гены работала без остановки. У калитки Гена наконец сообразил, что надо делать.

Мама спросила, все ли деньги он потратил на обед.

– До копейки! – сказал Гена и перечислил весь ассортимент блюд: разную пакость «в столовке для нищих». Шаурму на те деньги, что давала мама, взять никак нельзя.

Мама прошла на летнюю кухню, потрепаться с какой-то новой приезжей «дикаркой». Оказалось, обе женщины учились в одном месте с разницей в два года. Так что разговоров–пересудов хватит! Гена принялся за свой план.

Первым делом он подошёл к хозяйке, показал ей кем-то потерянный башмак.

– Где нашёл?

– Да тут же, у вашей калитки, в кустах.

– Возле забора? – хозяйка отёрла руки о передник.

– Рядом, а что?

– Под каким окном?

– Тётъ Катъ, я знаю?! Валялся себе в канавке. Я думал, может, кто из местных пацанов потерял.

– Чего это, их местных?

– Так приезжие в кроссовках не ходят!

– Перестань врать, Гена! – хозяйка схватила его за руку.

– Этот башмак соседского мальчишки, он лазит в окна за деньгами отдыхающих, ни разу не поймали, но я точно знаю, он вор! Так, где ты взял этот башмак?

– Откуда я помню? Нашёл у дороги между домами!

Хозяйка усмехнулась.

Гена продолжал стоять перед ней, не моргая.

– Ладно, я отнесу! – хозяйка скинула передник, взяла башмак и вышла из калитки.

Гена прокрался к кустам лавра, замер, глядя во все глаза на дорогу.

Хозяйка прошла шесть домов в сторону моря, свернула к чьей-то калитке.

Она что-то кричала. Затем вышла с похожей на неё тёткой, указала пальцем в сторону своего дома. Гене показалось, тычет прямо в него. Гена, пятясь, отполз, покаяв коленку до крови. Не обращая на это внимания, Гена проскочил во двор. Он сел у телевизора, спрятав ноги под стол. Показывали импортный мультфильм с дикими ахами-охами. Гена такие не любил, но изобразил полную внимательность. Даже рот приоткрыл.

Хозяйка вернулась к своей стирке. Сидеть истуканом надоело. Мама, похоже, забыла, что приехали на море.

Гена отпросился к пляжу.

Мама кивнула и крикнула вдогонку: «Долго не ходи!»

А как оно бывает долго, не уточнила. Гена прокрался к своей комнате, раскрыл дорожную сумку. На самом дне лежали кроссовки, какие-то пакеты зашелестели. Дверь распахнулась, стукнувшись о стену. Гена вздрогнул.

– А, это ты, – сказала хозяйка. – Уж было подумала, воры среди бела дня залезли!

Её лицо, покрытое красными пятнами, не успокоилось до сих пор, хотя голос был ровным и даже приветливым.

– Да, хотел тут кое-что взять на пляж.

– Маску?

Гена махнул рукой. Откуда, мол, такая роскошь?

– Будь осторожен!

– Чего это?

– Заплывёшь далеко, а позвать некого.

– Да там народу куча!

– И всё равно, будь осторожнее.

Гена понял, надеть кроссовки хозяйка не даст. Да и ладно. Каратисты, вон, вообще голыми пятками вырубают! Гена вышел из комнаты вслед за хозяйкой.

– Когда вернёшься, позвони! Кнопка под почтовым ящиком!

– Беспокоить вас?

– Себя спасать! Я отцеплю Полкана!

– Ладно, – кивнул Гена, побежав по дорожке к выходу.

Соседка улыбнулась, глядя ему вслед. Эх, детство, беззаботная пора!!!

Гена враскачку дошёл до дома пацана, потерявшего кроссовок. У калитки присвистнул.

– Чё так рано? – спросил выскочивший откуда-то из чулана мелкий пацан.

– Где твой кент? – спросил Гена.

– Бабки принёс? Торчи! Я ша!

Гена облокотился на забор, продолжая наблюдать за противником. Настроение у того было испорчено. Похоже, получил от мамани. Что ж, это цветочки! Гена всё обдумал, свидетелей не будет.

– Ты чего, в штаны наложил? – ухмыльнулся веснушчатый пацанёнок.

– Выходи, перетереть надо. Тема серьёзная! – сказал Гена, подражая старшему пацану со двора. При этом к кому тот обращался, в натуре, клали полные штаны.

Но дихорик бровью не повёл. Он вышел из калитки, продолжая ухмыляться.

– Бабки принёс, за все дни разом! – сообщил Гена.

– Штуку что ли?

– Полторы!

– Мамку грабанул?

– Тебе что за дело?

– В натуре, по барабану! – веснушчатый улыбнулся. Тётка Катька обещала спустить с цепи Полкана, известного волкодава. Если лошок спрячется за мамину юбку, всё пропало! А тут сам пришёл и бабки приволок наперёд! Даже задницу перестало саднить, пострадавшую от солдатского ремня.

– Отдам обоим сразу, чтоб недоразумений не было.

– Эк ты культурно базаришь! Давай мне, интеллигент! – пацан протянул руку. – Я скажу кенту, всё ровно!

Гена смотрел на карлика сверху вниз, молчал.

– Зуб даю!

– На очко отвечаешь? – прошипел Гена.

– Крутой, да?

– Давай кента, и закончим тёрки!

– А если в рыло? – веснушчатый сунул под нос Гены кулак, поражённый цыпками.

Гена удержался, чтобы не вывернуть руку. Пospешив,

можно испортить всё!

– Хрен с тобой! Идём до пляжу, там он.

Пацан повёл Гену по улице к морю, но зачем-то свернул в другую сторону. Народу на улице стало меньше. Если отдуплить доходягу до полусмерти, его кент в штаны наложит. К тому ж, тётя Катя своего бульдога выпустила. Никто в ограду не залезет, а на улице ни за что не поймают. Осталось отдыхать-то ! Билеты на послезавтра!

Гену как кто-то стукнул по затылку, прогоняя трусливую мыслишку.

– Скоро придём, не бойсь! – сказал веснушчатый, заметив, что клиент дёрнул головой.

Гена промолчал.

Ещё два поворота в разные стороны, и пацаны прибыли опять к морю! Только тут не было купающихся. Волнорез, большие валуны и каменные треноги, похожие на якоря. Но таких якорей не бывает, Гена точно знал. Вообще, местечко ещё то. Ни единой души вокруг! План упрощался по самое ни хочу!

Кент вылез из какой-то хибары на берегу.

– А, Сёма! Чего сюда привёл лошка? Что, в обратку пошёл? Тогда счётчик врубим!

– Да не, он бабки приволок! За десять дней вперёд!

– А чё не отдал? – долговязый подошёл ближе.

– Хочет, чтоб всё по понятиям было!

– Э, лошара! Тебе-то откель про те понятия знать?

– Сорока на хвосте принесла!

– Чё, и по Фене ботаешь?

– Базар поддержу, если что.

– Свой парень! – долговязый размахнулся, чтобы хлопнуть клиента по спине.

Мгновенье спустя, задыхаясь, долговязый протаранил носом пляжные камушки. Руку его ломило так, будто трактором по ней проехали.

– Эт–, – задыхаясь, выплюнул он, – чё?

– Труба тебе, Сёма! – сказал Гена, повернувшись к дихорику.

– Это тебе кранты, лошара позорная! – не растерялся Сёма, вынул нож, пихнул под ребро лошку.

Гена побежал прочь.

Распаяя себя, заодно, выпендриваясь перед старшим, Сёма в два счёта запрыгнул на прибрежный валун, догнав клиента.

Гена оглядел камень. Полметра высоты, много или мало? Решив, что достаточно, Гена отпрянул от нападающего с ножом.

– Попал? Сейчас юшкой умоешься!!! – Сёма зашипел, ликуя от вида обделавшегося лошка. Он всем телом подался вперёд, чтобы смять и растоптать противника, не смеющего спрыгнуть с камня.

Гена поморгал трусливо, распаяя веснушчатого ещё сильнее.

Сёма рассвирепел окончательно.

– Вали его, козла! – прокричал, подбегающий подельник.

Гене ничего не оставалось делать, как вцепиться в шкуру Сёмы, развернуться и упасть на коленки. Далее всё по законам физики: нападавший перелетел через Гену. «Уличная драка без правил! Или тебя, или ты!» – просвистело в ушах.

Соперник оказался намного легче, Гена перекрутил бросок через плечи, развернув Сёму на спину до встречи с землёй. Под силой собственной тяжести, веснушчатый соскользнул по камню спиной, грохнувшись на копчик.

– Ой! – выдохнул Сёма и тут же замолк.

– Чё ты ему сделал, козёл?

– Тебе мало, подь сюда! – поманил пальцем Гена, встав во весь рост на камне.

– Да иди ты! Он сознание потерял!

Гена спрыгнул вниз.

Старший отпрыгнул прочь. Башка его болела, кровь из рассечённой брови заливала оба глаза. В голове стучало: «Нарвались на сынка какого-то спецназовца, полное попадалово!»

– Твоя очередь, сударь! – продолжал Гена, не успевая удивляться своей наглости. Но внутри всё клокотало. Надо ж было главного вырубить! Гена шагнул к противнику.

– Ты ж его убил! Завязывай, а?

– Визжи как поросёнок! Никто не услышит. Не хочешь идти ко мне, я подойду. Мало не покажется!

– Да я, да мы! – заскулил пацан. – Ты хыть кого знаешь тута? А?! Колю Смурного знаешь?!

– Тебя тот Коля Смурной уже завтра тебя знать не будет, разве что на фотографии у гроба!

– Тебе чё надо от нас? Попали, с кем не бывает? Вот! – он вынул из карманов несколько сот скомканных рублей. – Забирай! Если что, завтра отдам.

– Не, ну всё по понятиям? Если непонятка между пацанами вышла, забашляем! – продолжал говорить долговязый, отступая от противника.

Гена шёл на него, ломая голову, как вырубить старшего? Если б он наступал, любой приём: хоть через бедро, хоть через плечо, а буром переть глупо. Глупее, пятиться, когда противник отступает. Решив, наконец, забежать за спину противника и сделать заднюю подсечку, Гена рванулся вперёд. Долговязый драпанул раньше. Только пятки засверкали.

Гена подвёл итог. В руке шесть сотен, отрубленный Сёма, ещё сильнее ободранное колено и улыбающийся дракончик на плече. Кожа аж растянулась от его улыбки.

Гена подошёл к Сёме. Вдруг, не дышит? Дышал.

Дело сделано. Только вот, кто такой Коля Смурной? Спросить бы кучерявого! Но начало смеркаться. Ноги в руки, Гена рванул к хозяйке. Заблудиться тут недолго.

Под звуки сирены «Скорой помощи» Гена нажал на кнопку звонка.

– Говорят, паренёк какой-то убился! – сказала хозяйка. –

Нырнул головой, и насмерть!

Гену как током шваркнуло.

– Ты тоже нырять? – спросила подошедшая мама.

– Я? Не сильно и только солдатиком.

– Что с тем мальчиком? – мама смотрела в глаза.

Гена успел перекурить, поэтому воротил носом.

Мама взяла Гену за руку, увела в их комнату.

– Он, правда, умер? – спросил Гена.

– Ты замешан?

Гену встряхнуло.

– Говори немедленно! Тюрьмы не миновать: ни тебе, ни мне!

– Какая тюрьма? Он сам, с ножом! Да их двое! – выпалил Гена. После этого пришлось рассказать всё. Умолчал Гена о вымогательстве и трофейных деньгах долговязого. Всё одно, мама если не порвёт чужие деньги – сожжёт! А глупее выдумать ничего нельзя.

– Так! Сиди и не рыпайся! – приказала мама. Она вышла из комнаты и закрыла дверь на висячий замок.

Гена прижался ухом к оконной раме. Форточку открывать он побоялся, но щели в раме были огромными. И всё равно ничего толком не услышал. Понял только, Сёма живой. Копчик сломал – калекой будет на всю жизнь. Так ведь, сам напросился!

Полвторого ночи, нагрузив Гену сумками, мама договаривалась с проводником купейного вагона.

Дракончик продолжал улыбаться. Ночью он оскалился так, что заболело плечо. Гена

ворочался, дул на плечо, но саднящий зуд не унимался. Гена встал, прошмыгнул из купе. В тусклом свете туалетной лампочки, Гена осмотрел плечо. Всё было нормально. Дракончик с зелёными кучеряшками спокойно лежал на плече. Как будто спал. Гена брызнул на него холодной водицей. Зуд немного унялся. Кто-то дёрнул за ручку с той стороны. Гена опустил рукав футболки, вытер руки бумажным полотенцем и, «застёгивая» нерастёгнутую ширинку, вышел в тамбур.

– Курить бегал? – спросила мама.

Гена шумно дыхнул.

– Живот болит?

Гена помотал головой.

Мама кажется, успокоилась.

Гена залез на верхнюю полку, саднящая боль медленно отступила. Повезло, мама ничего не заподозрила. Приключений хватит на всю жизнь, жаль, пацанам рассказывать нельзя! Или намекнуть лучшему другу? Так и не разрешив вопрос секретности, под стук колёс Гена заснул.

Глава 2. Подстава!

«Кошельки» как с ума посходили. Оля не успела отойти от пансионата, как её окликнул рыжий амбал.

– Чего тебе?

– Чего ощерилась, красавица? Стольник на дороге валяется, а? Зеленью, красавица!

– За что?

Рыжий сказал, за что. Оля покрутила головой. «Кошелёк» не помнил, как отшил её вчера. Он накиннул полтинник.

– Никакой групповухи!

Рыжий развёл руками. Сам, мол, не любитель.

После рыжего на пляже подсел лысый. Он спросил об ориентации.

– Интересный способ знакомства!

– Половой акт — не есть причина знакомства!

– Глубокомысленно.

– Каждый в душе философ, – лысый протянул руку к бедру Оли.

– Задаром и кошку не глядят!

Сговорились за пять штук родными рубликами. Услуга была пустяковой. Даже ноги раздвигать не пришлось!

В приподнятом настроении Оля подходила к дому. У калитки стояла «Скорая». Оля прибавила шагу.

– Где тебя носит? – выкрикнула сиделка.

– На работе. Что с матерью?

– Отходит.

– Что ты буровишь, дура? Куда смотрела?!

Мужик в белом халате захлопнул заднюю дверь неотложки. Оля вцепилась ему в рукав.

– Что, доктор?

– Документы её где?

– Дома, в полке комода. А что с ней? – заметив, что человек в белом халате не собирается отвечать, Оля затрясла его руку. – Можешь сказать, что случилось?

– Спроси доктора!

– А ты кто?

– Санитар, – мужичок пожал плечами. Мол, моё дело маленькое. Он запрыгнул в кабину. Машина уехала.

Сиделка спросила денег. Оля вспылила.

– Тебе вчера мало отвалили?

– Так то долг!

– Ты мне мать уберегла, сука?! – Оля наотмашь врезала сиделке промеж глаз. На лбу женщины появилась шишка.

На вопль сиделки выбежали отдыхающие. Двоих парней поселила сердобольная соседка, потому что в её доме мест не было. Квартиранты не знали Олю как дочь хозяйки, поэтому без труда скрутили.

– Тащите её в милицию! – прокричала сиделка.

– Сами разбирайтесь тут! – сказал отдыхающий, что постарше.

– Тебе что, может, ещё зубы вставить за наш счёт? – спросил второй, что помоложе, дохнув на пострадавшую винными парами.

Сиделка фыркнула.

– Что она тебе сделала, девочка?

– Отпусти руку!

– Брыкаться не будешь?

– Ни за что!

Молодой отдыхающий отпустил Олю. Она удержалась, чтобы не залепить пощёчину. Ссориться с постояльцами, как и трахаться – запрещено. Это закон!

– Винца выпьешь?

– А потом чего захотите?

Оля осмотрела постояльцев. Мужчины похожие друг на друга, с разницей лет в двадцать, скорее всего, отец с сыном.

– Не мечи икру без толку! Она, поди, живёт тут.

Оля кивнула старшему.

– Значит, больная хозяйка твоя родственница?

– А то!

– Бабки, стало быть, тебе отдать за прописку?

– Стало быть! – передразнила Оля.

Мужчины пригласили её за стол на летней веранде. Это была общая кухня для отдыхающих. Тот, что помоложе, плеснул красного винца в хрустальный бокал.

– Вы что, бокалы из серванта взяли?

– Мы заплатили за посуду, – сообщил старый.

– С собой упрёте? – спросила Оля, отхлебнув винца. Щёки её порозовели. Облагороженная грузинская добавочка после местной бормотухи пошла в масть.

– На временное пользование, хозяйка.

Мужички закусывали персиками, не снимая шкурок. Оля поняла, приезжие откуда-то с Севера. Судя по узловатым венкам на ладонях – буровики или другие нефтяники. Жаль, что поселились у неё! Или, правила придуманы для того, чтобы их нарушать?

Оля приложила к фужеру. Старый рассказал бородастый анекдот про Чапаева в лицах. Посмеялись от души. Поползновений к Оле никаких. После следующего глотка она ощутила себя хозяйкой, эдакой благородной дамой, оказывающей милость постояльцам своим присутствием за общим столом.

– С матерью-то что? – спросил дед.

– Инсульт.

– Вот же, бывает. Человек живёт у самого рая, а болезнь и тут достанет.

Выпили за здоровье мамы. Пятилитровая бутылка в плетёной корзинке никак не кончалась. Под столом Оля положила ногу на стопу молодого нефтяника. Постоялец повёлся, незаметно для бати, подмигнул хозяйшке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.